

ИССЛЕДОВАНИЯ

Я. С. ЛУРЬЕ

Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси»

Летописи занимают важное место в подготовляемом ныне «Словаре книжников и книжности Древней Руси». Среди отдельных повестей, включенных в «Словарь», около трех десятков повестей летописных; сведения из летописания привлекаются для большинства биографических статей. Летописям посвящены и специальные статьи «Словаря»: здесь содержится 38 статей об отдельных летописных памятниках XII—XVI вв. (мы не упоминаем о статьях, посвященных поздним летописям, XVII—XVIII вв., и хронографическим сводам).

В историко-литературных трудах XIX и начала XX в. материалы по истории летописания привлекались лишь спорадически — в основном речь шла о «Начальной летописи» (Повести временных лет); летописные повести либо совсем не включались в историю древнерусской литературы, либо рассматривались сами по себе, вне зависимости от истории летописания.¹ Впервые в широком объеме история летописания и многочисленные летописные повести стали предметом специального рассмотрения в первых двух томах академической десятитомной «Истории русской литературы», вышедших в свет в 1941—1946 гг. При издании был исключен научный аппарат, но авторы соответствующих глав учитывали не только классические труды А. А. Шахматова по истории летописания, но и некоторые работы его последователей — М. Д. Приселкова и А. Н. Насонова. Довольно широко обращаются к специальным трудам по истории летописания и авторы историко-литературных трудов, написанных в последние десятилетия.

Однако учет и использование исследований А. А. Шахматова и его последователей связаны с определенными трудностями, на которые не всегда обращают внимание литературоведы и историки.

Как и большинство построенных в гуманитарных науках, выводы, сделанные А. А. Шахматовым из сопоставления многочисленных летописных сводов, в значительной части имели предположительный характер. Но предположительные суждения, как известно, имеют разную степень убедительности. Сравнивая между собою различные летописи, А. А. Шахматов устанавливал, что на определенном протяжении они совпадают между собой, а далее расходятся; отсюда он делал вывод, что в основе дошедших до нас летописей лежали общие источники — своды-протографы. Вывод этого рода может быть определен как гипотеза, т. е. такое

¹ Ср.: Галахов А. Д. История русской словесности, древней и новой. 3-е изд. М., 1894, т. 1, отд. 1, с. 284—287, 314; Пыпин А. Н. История русской литературы. [1-е изд.]. СПб., 1898, т. 1, с. 284—300; 4-е изд. СПб., 1914, с. 271—287 (в последнем издании А. Н. Пыпин учел уже работы А. А. Шахматова о летописании, но привел только его выводы без аргументации и, главное, без указания на то, в каких именно летописных текстах читались те своды, о которых писал А. А. Шахматов).

предположение, без которого невозможно объяснить определенную совокупность фактов (в данном случае — совпадение между собой текстов разных летописей). Признав существование подобных протографов, А. А. Шахматов конкретизировал свои суждения: он старался уточнить объем предполагаемого свода-протографа, вероятное время и место его составления и давал ему условное наименование. Степень доказанности такого определения была уже иной, чем степень доказанности основного вывода о своде-протографе; здесь следует говорить скорее не о гипотезе, а о догадке.² Именно поэтому А. А. Шахматов нередко отказывался от первоначальных определений и датировок гипотетических сводов-протографов, заменяя их другими.³ Но такой отказ никак не отменял основных наблюдений над соотношениями летописных сводов: связь между ними, зависимость от общего источника оставались несомненными и требовали объяснения.

К сожалению, однако, авторы, опиравшиеся на труды А. А. Шахматова, чаще использовали его конечные выводы и определения, нежели лежащую в их основе сравнительно-текстологическую работу. В общих трудах мы постоянно встречаемся с такими памятниками, как «Летописец великий русский» 1389 или 1392 г., «Полихрон Фотия» 1423 г. (или «Владимирский полихрон»), «Софийский временник» 1432 г., новгородский «Свод Евфимия II» и т. д.⁴ Что это за памятники? Где можно отыскать их тексты? Как и насколько убедительно дано их определение и даже доказано существование? Далеко не всегда читатель получает ответы на эти вопросы; часто он остается в неведении, что перед ним не реальные тексты, а гипотетические построения.

Отсутствие сколько-нибудь полных реконструкций и однозначных и бесспорных определений гипотетических сводов-протографов приводит не только к тому, что в общих трудах появляются ссылки на источники, которые читатель едва ли может отыскать. Происходит и иное: в своей исследовательской практике историки и литературоведы нередко игнорируют данные по летописной генеалогии, установленные А. А. Шахматовым и его последователями. Летописные рассказы часто рассматриваются сами по себе, независимо от истории тех сводов, в которых они содержатся, и сведения из них привлекаются на основе «внутренней достоверности» каждого из рассказов.

Примеров использования летописных рассказов без учета состава свода в целом можно привести в различных исследованиях очень много.

² Ср.: Лурье Я. С. 1) О гипотезах и догадках в источниковедении. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977, с. 29—32, 35—37; 2) О возможности и необходимости при исследовании летописей. — ТОДРЛ, Л., 1981, т. 36, с. 13—14, 35—36.

³ Этот отказ от первоначальных догадок об объеме и характере сводов-протографов нередко смущал авторов, далеких от исследовательских методов А. А. Шахматова, и казался им признаком слабости этих методов. В 1927 г. М. Д. Приселков в письме к А. Н. Насонову просил его на заседании памяти Шахматова (на котором сам Приселков не мог присутствовать) объяснить слушателям «пресловутую изменчивость» выводов Шахматова, проистекающую «из огромности материала и трудности методов». «Мне очень дорого думать, — добавлял Приселков, — что именно вы сделаете это» (см.: Станиславский А. Л. Личный фонд А. Н. Насонова в Архиве АН СССР. — Археографический ежегодник за 1974 г., М., 1975, с. 244). Впоследствии М. Д. Приселков писал, что важнейшей особенностью шахматовского метода было привлечение «всех имеющихся летописных списков и построение гипотез, захватывающих своим объяснением весь этот материал»; именно вовлечение этого колоссального материала принуждало А. А. Шахматова первоначально определять и датировать гипотетические своды сугубо предположительно («метод больших скобок») — «это вносило некоторую видимую неустойчивость в выводы, сменявшиеся на новые, более взвешенные, что вызывало неодобрение тех исследователей, которые привыкли и умели оперировать только над простым и легко читаемым текстом» (Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940 (далее: Приселков. История), с. 13).

⁴ Ср., например: История русской литературы. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 193—199, 257—258; Источниковедение истории СССР. 2-е изд. М., 1981, с. 74—75.

Опасность такого метода очевидна. Выводы о первичности тех или иных редакций (и вторичности других), основанные на «краткости», «правдоподобии», «реалистичности» их повествования, часто опровергаются при привлечении и сравнении всех версий рассказа и учете взаимоотношений между сводами. «Краткий» рассказ оказывается сокращенным, ббльшая «реалистичность» иногда достигается путем исправления, сокращения слишком длинных цитат из церковных текстов, и т. д.⁵

Но недостатки такого рода часто неизбежны. Историк и литературовед, не занимающийся специально летописями и летописными повестями, не может предварять любую статью или книгу, посвященную Древней Руси, исследованием и сравнением летописных памятников. В лучшем случае он обращается к трудам ученых, производивших эту сложнейшую работу, но их построения обычно очень трудны для восприятия (понять их по-настоящему можно лишь имея в руках летописные тексты, о которых идет речь) и посвящены далеко не всем летописям, с которыми приходится иметь дело автору конкретного исследования. Обобщающие труды по летописям — это чаще всего обзоры истории летописания, где читатель имеет дело скорее с гипотетическими сводами XI—XV вв., чем с дошедшими до нас летописями.

Что же делать? В какой-то степени здесь мог бы помочь серьезный научный справочник. Такого рода справочником должен быть, в частности, и подготавливаемый ныне «Словарь книжников и книжности Древней Руси».

Как мы уже отметили, «Словарь» содержит целый ряд статей, посвященных летописям XI—XVI вв. При этом мы отказались от включения в «Словарь» гипотетических сводов-протографов, дабы избежать смешения этих сводов с реальными, дошедшими до нас памятниками (исключение составляет только сгоревшая в 1812 г. Троицкая летопись, которая была доступна историкам начала XIX в. и текст которой нам известен с достаточной полнотой), но в каждой из статей о летописях в «Словаре» указываются летописи, текстуально близкие к данной, и определяется характер их вероятного протографа (или протографов, если летопись восходит к нескольким источникам).

Однако читатель «Словаря», очевидно, будет нуждаться и в каком-то пособии, обобщающем данные об отношениях летописей между собой.⁶

⁵ Ср., например, различные характеристики рассказов об убийстве Михаила Ярославича в Орде в 1318 г. (Будовниц И. У. Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV в. — ТОДРЛ, М.; Л., 1956, т. 12, с. 83—86; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 470—471; Fennell J. L. I. The Ermolinskij Chronicle and Literary Prelude to «The Tale of the Murder of Mixail of Tver». — Studies in Slavic Linguistics and Poetics in Honor of V. O. Unbegaun, New York; London, 1968, p. 37—38; Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М., 1974, с. 32—33, 97—102), о Куликовской битве (Тихомиров М. Н. Куликовская битва 1380 года. — В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 345—346; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства..., с. 596, 619—620; Салмина М. А. 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 348—349; 2) Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. — ТОДРЛ, Л., 1977, т. 32, с. 339), о нашествии Тохтамыша в 1382 г. (Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, с. 247—249; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства..., с. 632—637; Салмина М. А. Повесть о нашествии Тохтамыша. — ТОДРЛ, Л., 1979, т. 24, с. 139—141), нашествии Едигея (Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства..., с. 745—746; Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. — ТОДРЛ, Л., 1985, т. 39, с. 285—298).

⁶ Обобщающий обзор важнейших русских летописей, дающий основные сведения об их генеалогических отношениях, содержится в статье «Летописи», написанной А. А. Шахматовым в 1915 г. для «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона (перепечатано в кн.: Шахматов А. А. Обзорные русские летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938 (далее: Шахматов. Обзорные), с. 361—372),

В связи с этим мы и предлагаем в настоящей статье генеалогическую схему (стемму) летописей XII—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси». В стемму входят следующие летописи:

1) Повесть временных лет (ПВЛ) начала XII в.,⁷ хотя и не сохранившаяся в рукописной традиции в отдельном виде, но четко отделенная в сводах XIV—XVI вв. от последующего летописания; предполагаемые редакции ПВЛ в стемме не выделяются;

2) Радзивилловская летопись (Радз.) начала XIII в. (списки не ранее XV в.);⁸

3) Летописец Переяславля Суздальского (Пер. Сузд.) начала XIII в. (список XV в.);⁹

4) Новгородская I летопись старшего извода (НІ ст. и.) XIII—XIV вв.;¹⁰

5) Ипатьевская летопись (Ипат.) конца XIII в. (списки не ранее XV в.);¹¹

6) Лаврентьевская летопись (Лавр.) начала XIV в. (список 1377 г.);¹²

7) Троицкая летопись (Тр.) начала XV в.;¹³

8) Новгородская I летопись младшего извода (НІ мл. и.) XV в.;¹⁴

9) Московская Академическая летопись (МАк) XV в.;¹⁵

10) Рогожский летописец (Рог.) XV в.;¹⁶

11) Софийская I летопись (СИ) XV в.,¹⁷ старшая и младшая редакции в стемме не выделяются; выделяется только особая редакция, представленная Софийской I летописью по списку Царского (СИЦ);

12) Новгородская Карамзинская летопись (НК) XV в., неизданная (рукопись ГПБ, F.IV.603, конец XV в.);¹⁸

и в «Приложении» к кн.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 427—479 (см. также репринт, включающий важнейшие издания после 1947 г.: Russian Reprint Series, The Hague, 1966, t. 31, Дополнения, с. 2—8). Перечень основных летописных текстов, дошедших до нас, был дан и М. Д. Приселковым в подготовленном им плане нового издания полного собрания русских летописей (воспроизведено в кн.: Валк С. Н. Советская археология. М.; Л., 1948, с. 139—141); однако план этот содержал лишь названия летописей, основанные на их предполагаемой генеалогии, а не сколько-нибудь развернутую характеристику.

⁷ Повесть временных лет. — В кн.: ПСРЛ, 2-е изд., Л., 1926, т. 1, вып. 1 (фототипическое воспроизведение: М., 1961); Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. 1—2 (сер. «Литературные памятники»).

⁸ Библиотека российской исторической, содержащая древние летописи... Ч. 1. Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 г. СПб., 1767; Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись, I. Фотомеханическое воспроизведение текста. СПб., 1902 (ОЛДП, вып. 118). Научное издание Радз., подготовленное М. Д. Приселковым, в настоящее время завершается для печатания в ПСРЛ.

⁹ Летописец Переяславля Суздальского, составленный в начале XIII в. (между 1214 и 1219 гг.) / Издан К. М. Оболенским. М., 1851.

¹⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 13—100.

¹¹ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1874; ПСРЛ, 2-е изд., СПб., 1908, т. 2 (фототипическое воспроизведение: М., 1961).

¹² Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1872, с. 1—464; ПСРЛ, 2-е изд., Л., 1926—1927, т. 1, вып. 1—2 (фототипическое воспроизведение: М., 1961).

¹³ Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

¹⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, с. 101—427.

¹⁵ Летопись по Лаврентьевскому списку, с. 465—512; ПСРЛ, 2-е изд., Л., 1928, т. 1, вып. 3.

¹⁶ ПСРЛ, 2-е изд., Пг., 1922, т. 15, вып. 1.

¹⁷ ПСРЛ, СПб., 1851, т. 5, с. 81—275; т. 6, с. 11—111; 2-е изд. (издание не завершено), т. 5, Л., 1925, вып. 1.

¹⁸ Ср.: Лурье Я. С. Новгородская Карамзинская летопись. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 29, с. 207—213.

13) Новгородская IV летопись (НIVЛ) XV в.,¹⁹ старшая и младшая редакции в стемме не выделяются;

14) Новгородская Хронографическая (Новгородская V) летопись (НХр) XV в. (список начала XVI в.);²⁰

15) Никаноровская летопись (Нкр) XV в. (рукописи не ранее XVII в.);²¹

16) Псковские летописи (Пск.) XV—XVI вв.;²² существующие три редакции летописей (Псковская 1-я, 2-я и 3-я) в стемме не выделяются;

17) Белорусские и литовские летописи (Бел.) XV—XVI вв.;²³ существующие виды летописей, представленные отдельными списками (Никифоровский, Супрасльский) в стемме не выделяются;

18) Ермолинская летопись (Ерм.) XV в.;²⁴

19) Московский свод по Эрмитажному списку (МЭрм), летопись XV в., в данной редакции не изданная (рукопись XVII в.: ГПБ, Эрмитажное собр., № 4166);²⁵

20) Московский свод по Уваровскому списку (МУв), летопись XV в. (рукопись XVI в.);²⁶

21) Сокращенный свод конца XV в. (Сокр. св.);²⁷ существующие три вида летописи (неизданный Соловецкий, Погодинский — «свод 1493 г.», Мазуринский — «свод 1495 г.») в стемме не выделяются;

22) Типографская летопись (Тип.) XV в.²⁸ (рукописи не ранее XVI в.); существующие две редакции (Типографская Синодальная и Типографская Академическая) в стемме не выделяются;

23) Симеоновская летопись (Сим.) XV в.²⁹ (рукопись XVI в.);

24) Летописец от 72-х язык (Лет. от 72-х яз.) конца XV—начала XVI в.;³⁰ существующие три вида (неизданный Лихачевский, Прилудский — «свод 1497 г.» и Уваровский — «свод 1518 г.») в стемме не выделяются;

25) Вологодско-Пермская летопись (ВП) конца XV—XVI в.;³¹ ввиду существенных редакционных различий выделяем в стемме первую (ВП-I) и вторую (ВП-II) редакции памятника; третью редакцию особо не выделяем;

26) Владимирский летописец (Вл.) XVI в.;³²

27) Софийская II летопись (СИ) XVI в.;³³ ввиду значительных редакционных различий между основным (Архивским) списком первой трети XVI в. и Воскресенским списком середины XVI в. (СИВ) приводим их в стемме раздельно;

28) Львовская летопись (Льв.) XVI в.;³⁴

¹⁹ ПСРЛ, СПб., 1848, т. 4, с. 1—137; 2-е изд., Пг., 1915, т. 1, вып. 1; Л., 1925, вып. 2, с. 321—470.

²⁰ ПСРЛ, т. 4, с. 138—165 (фрагменты); 2-е изд., Пг., 1917, ч. 2, вып. 1 (издание не завершено).

²¹ ПСРЛ, М.; Л., 1962, т. 27, с. 17—162.

²² Псковские летописи / Подгот. к печати А. Н. Насонов. М.; Л., 1941—1955, вып. 1—2.

²³ ПСРЛ, СПб., 1907, т. 17; М., 1980, т. 35.

²⁴ ПСРЛ, СПб., 1910, т. 23.

²⁵ Фрагменты МЭрм см.: ПСРЛ, М.; Л., 1949, т. 25, с. 337—396. Ср.: Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969 (далее: Насонов. История), с. 257, 262—263.

²⁶ ПСРЛ, т. 25, с. 7—333.

²⁷ ПСРЛ, т. 27, с. 163—298 («Сокращенный летописный свод 1493 г.»), 299—367 («Сокращенный летописный свод 1495 г.»).

²⁸ ПСРЛ, Пг., 1921, т. 24.

²⁹ ПСРЛ, СПб., 1913, т. 18.

³⁰ ПСРЛ, М.; Л., 1963, т. 28, с. 11—163 («Летописный свод 1497 г.»), 165—357 («Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись)»).

³¹ ПСРЛ, М.; Л., 1959, т. 26.

³² ПСРЛ, М., 1965, т. 30, с. 7—146.

³³ ПСРЛ, СПб., 1853, т. 6, с. 119—276.

³⁴ ПСРЛ, СПб., 1910—1914, т. 20, ч. 1—2.

29) Тверская летопись, или Тверской сборник (Тв. сб.) XVI в. (списки XVII в.);³⁵

30) Архивская летопись (Арх.), или так называемая Ростовская летопись XVI в., изданная лишь частично (рукопись ЦГАДА, ф. 181, № 20, XVIII в.);³⁶

31) Новгородская летопись Дубровского (НДубр), или Новгородская IV летопись по списку Дубровского XVI в.;³⁷

32) Воскресенская летопись (Воскр.) XVI в.;³⁸

33) Иоасафовская летопись (Иоас.) XVI в., летописец, охватывающий 1437—1520 гг.;³⁹

34) Никоновская летопись (Ник.) XVI в.;⁴⁰ в стемме выделено две редакции этой летописи;

35) Летописец начала царства (ЛНЦ) XVI в.,⁴¹ охватывающий 1533—1552 гг.;

36) Лицевой свод (Л. св.) XVI в., многотомная иллюстрированная летописно-хронографическая компиляция, доведенная до 1567 г.;⁴² более поздние версии Лицевого свода, существовавшие как отдельные рукописи (Александр-Невская и Лебедевская летописи), в стемме не выделяются;

37) Холмогорская летопись (Холм.) XVI в. (список XVII в.);⁴³

38) Устюжская летопись (Уст.), или Устюжский летописец (Устюжский свод) XVI в. (списки не ранее XVII в.);⁴⁴ существующие два вида (список Мациевича и Архангельский летописец) в стемме не выделяются.

Генеалогическая схема указывает на основные взаимоотношения названных летописей (предполагаемые связи отмечены пунктиром), на существование у них общих протографов. Но гипотетических определений, датировок и названий этих сводов-протографов мы в стемме не даем, ибо определения эти, как мы уже отмечали, предположительны, часто условны и в ряде случаев могут быть пересмотрены. Убедительно установленными являются лишь сами связи разбираемыми летописями: исследователь, который захочет объяснить эти связи иначе (влиянием через какие-либо посредствующие звенья, прямой зависимостью одной летописи от другой и т. п.), не может просто игнорировать их, а обязан предложить альтернативную схему, которая способна объяснить взаимоотношения между ними не менее убедительно.

Связующие звенья между летописями (протографы) мы обозначили в схеме буквами кириллического алфавита (обычно употребляемый в таких случаях греческий алфавит не содержит нужного количества букв). Ниже мы предлагаем определения этих гипотетических звеньев, кратко отмечая их вероятную датировку и ссылаясь на обоснования этих определений, данные в научной литературе.

Я. Протограф ПВЛ, НИ младшего извода и Новгородско-Софийской группы летописей (см. ниже, звенья Л и М), обозначенный А. А. Шах-

³⁵ ПСРЛ, СПб., 1863, т. 15.

³⁶ Ср.: Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, с. 67—162.

³⁷ ПСРЛ, 2-е изд., Л., 1925, т. 4, вып. 2, с. 470—536; Л., 1929, вып. 3, с. 537—579.

³⁸ ПСРЛ, СПб., 1856—1859, т. 7—8.

³⁹ Иоасафовская летопись. М., 1957.

⁴⁰ ПСРЛ, СПб., 1862—1901, т. 9—12; СПб., 1904, т. 13, 1-я половина (фототипическое воспроизведение: М., 1965).

⁴¹ ПСРЛ, М., 1965, т. 29, с. 9—116. Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 75—228; т. 20, ч. 2.

⁴² Лицевой свод включает как хронографические, так и летописные тома; летописные, начиная с Голицынского и кончая Синодальным, изданы только в разночтениях к Никоновской летописи (ПСРЛ, т. 9—13, 1-я половина); отдельно изданы окончание Синодального списка с 1558 г. и так называемая Царственная книга: ПСРЛ, СПб., 1906, т. 13, 2-я половина (фототипическое воспроизведение: М., 1965).

⁴³ ПСРЛ, Л., 1977, т. 33, с. 10—147; Лаврентьев А. В. Ранний список Холмогорской летописи из собр. А. И. Мусина-Пушкина. — ТОДРЛ, т. 39, с. 321—334.

⁴⁴ ПСРЛ, Л., 1982, т. 37, с. 17—103.

Б. Протограф южнорусской летописи (Ипат.) и владимирских сводов XII—XIII вв. (Лавр., Радз. и др. — через посредство звена Б). Вероятно, это был не единый памятник, а целая группа связанных между собой южнорусских сводов (Киев, Переяславль Южный) XII—XIII вв.⁴⁶

В. Общий протограф владими́ро-суздальских летописей — Лавр., Тр., Радз., Пер. Сузд., МАК (отразившийся в них через посредство звеньев Г, Д и Ж) — свод конца XII в. А. А. Шахматов определял его как свод 1185 г.; М. Д. Приселков предполагал существование двух последовательных владимирских сводов — 1177 и 1193 гг.⁴⁷

Г. Свод, представлявший более позднюю редакцию владимирского летописания, чем та, которая дошла в Лавр. и Тр. Шахматов датировал его началом XIII в., М. Д. Приселков — 1212 г. Обычно предполагается, что это был владимирский свод, однако известия, связанные с Переяславлем Суздальским, читаются во всех трех летописях, отразивших этот свод, — Радз., МАК и Пер. Сузд., и поэтому не исключено, что этот свод был составлен в Переяславле. Если считать Г владимирским сводом начала XIII в., то возможно, что он повлиял на Ипат. и летописную компиляцию второй половины XV в. (см. ниже, звено Г).⁴⁸

Д. Протограф Радз., МАК. Если считать, что Г был переяславским сводом, то надо будет предполагать, что Пер. Сузд. восходил не к Д, а непосредственно к Г (см. пунктирную линию на схеме), а Д был протографом только Радз. и МАК, имеющих специфические отличия от Пер. Сузд. (текст Радз. и сходный текст МАК доходит до 1206 г.).⁴⁹

Е. Один из двух протографов Ипат. — Галицко-Волынская летопись конца XIII в., не имевшая разбивки на годы. Можно предполагать, что в конце XIII—начале XIV в. на Волыни она была соединена со вторым протографом Ипат. — киевским сводом XIII в. (ср. звено Б).⁵⁰

Ж. Владимирский свод, соединивший версии владимирских сводов конца XII и начала XIII в. (звенья Б и Г) и ростовское летописание. Возможно, что именно это объединенное летописание оказало влияние на Ипат. и летописную компиляцию Г. М. Д. Приселков относил это слияние двух линий владимирского летописания к 1239 г., А. Н. Насонов — к 1281 г.⁵¹

ных сводах. СПб., 1908, с. 1—11, 29—133; 3) Предисловие к Начальному Киевскому своду и Несторова летопись. — ИОРЯС, 1909, т. 13, кн. 1, с. 213—270; Истрин В. М. Замечания о начале русского летописания. — ИОРЯС, 1923, т. 26, с. 45—102; Л., 1924, т. 27, с. 207—251; Алешковский М. Х. Повість временних літ та її редакції. — Український історичний журнал, 1967, № 3, с. 37—47. Предположения А. А. Шахматова о сводах, предшествующих Начальному, лишь в незначительной степени основанные на параллельном летописном материале, в стемме не отмечаем.

⁴⁶ Шахматов. Обзорение, с. 16—18, 364; Приселков. История, с. 44—57, 66—74; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII в.: Очерки и исследования. М., 1969 (далее: Насонов. История), с. 80—111, 145.

⁴⁷ Шахматов. Обзорение, с. 15—18, 51—52; Приселков. История, с. 63—66, 71—82; Насонов. История, с. 113—114, 157—160.

⁴⁸ Шахматов. Обзорение, с. 52—55; Приселков. История, с. 82—96; Насонов. История, с. 157, 201—225.

⁴⁹ Шахматов. Обзорение, с. 44—48, 123—124, 228—230, 315; Приселков. История, с. 59—63, 82—83.

⁵⁰ Приселков. История, с. 55—57; Черепнин Л. В. Летописец Даниила Галицкого. — ИЗ, 1941, т. 12, с. 228—253; Еремин И. П. Волынская летопись 1289—1290 гг. — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 113—114; Насонов. История, с. 228—235, 243—245.

⁵¹ Приселков. История, с. 91—94; Насонов. История, с. 192—200. Совпадение известия 1217—1218 гг. о борьбе между рязанскими князьями и начала расказа о битве на Калке в 1224 г. в Лавр. и НЛ, отмеченное А. А. Шахматовым (Шахматов. Обзорение, с. 130), очевидно, объясняется не влиянием этих сводов (или их протографов) друг на друга, а наличием общего источника — может быть, рязанского летописного памятника (ср.: Комарович В. А. Литература Рязанского княжества XIII—XIV вв. — В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1946, т. 2, ч. 1, с. 75—76).

С. Протограф Лавр. и свода, легшего в основание Тр. (см. символ $\mathcal{Z}$), — свод, доведенный до 1305 г. А. А. Шахматов склонен был считать его митрополичьим сводом (Полихроном начала XIV в.), полагая, что он оказал также влияние на Ипат. Но связи Ипат. с владимирским летописанием удовлетворительно объясняются влиянием южнорусского свода (символ Б) на владимирские своды (Б и возможно Г) и владимирского свода XIII в. (Г или Ж) на южнорусское летописание. М. Д. Приселков показал, что, судя по заключительной части свода 1305 г., он был не митрополичьим, а великокняжеским сводом Михаила Ярославича Владимирского и Тверского (отсюда ряд тверских известий в конце).⁵²

$\mathcal{Z}$. Протограф Тр. и свода, легшего в основу Рог. и Сим. (И); было обнаружено также отражение этого свода-протографа в Бел. и Вл. А. А. Шахматов датировал этот свод 1390 г. (отождествляя его с «Летописцем великим русским», на который ссылалась Тр. в заключительной части). М. Д. Приселков считал его непосредственным протографом Тр. — сводом Киприана, составленным в 1408 г., вскоре после смерти митрополита. Вопрос о датировке свода (и о его отношении к не дошедшему до нас «Летописцу великому русскому») остается нерешенным.⁵³

И. Протограф Рог. и Сим., доходящий до 1412 г. Совпадения текста Сим. с 1117 г. (откуда начинается ее текст) и Рог. с 1238 г. (до 1238 г. в Рог. иной текст) с Тр. вплоть до 1390 г. свидетельствуют о том, что в основе И в значительной степени лежал свод $\mathcal{Z}$. Однако в части после 1390—1408 гг. совпадений Сим. и Рог. с Тр. (судя по цитатам Н. М. Карамзина) становится совсем немного; в тексте Сим. и Рог. за этот период обнаруживается ряд тверских известий. Можно считать поэтому, что свод И представляет собой тверскую редакцию предшествующего общерусского свода ($\mathcal{Z}$), составленную после 1412 г. Возможно, что именно свод И (а не его протограф $\mathcal{Z}$) оказал влияние на Владимирский летописец (Вл.).⁵⁴

И. Протограф Рог. и Тв. сб. — тверской летописный свод, возможно отразившийся также в Ник. В Рог. тверские известия, сходные с Тв. сб., появляются уже с 1285 г. и следуют до 1328 г.; с 1328 по 1375 г. тверской материал перемежается в Рог. с известиями, сходными с Тр. и Сим. (из И); на статье 1375 г. тверские известия Рог. обрываются. Можно было бы считать, что протограф Рог. и Тв. сб. был тверским сводом 1375 г., однако в обоих памятниках отразились явно московские известия за 1327 и 1328 гг., совпадающие с Тр. и Сим.; очевидно, тверской свод (звено I) подвергся уже влиянию тверской редакции общерусского свода, доведенной до 1412 г. (И) Предполагать влияние на Рог. и Тв. сб. более позднего общерусского летописания, по-видимому, нет оснований.⁵⁵

⁵² Шахматов А. А. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 11, с. 149—151; 2) Обзорение, с. 12—13, 15, 18—20, 76—77, 365; Приселков М. Д. 1) Летописание XIV в. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922, с. 36—37; 2) История, с. 106, 109—110.

⁵³ Шахматов А. А. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 11, с. 151; Приселков М. Д. 1) Летописание XIV в., с. 31; 2) История, с. 129—130; 3) Троицкая летопись, с. 45—46; Лурье Я. С. О московском летописании конца XIV в. — ВИД, Л., 1979, т. 11, с. 3—5, 8, 16—19.

⁵⁴ Шахматов. Обзорение, с. 367; Приселков. История, с. 115—116; Лурье Я. С. О московском летописании конца XIV в., с. 6—8. Ср.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980, с. 138.

⁵⁵ Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР, VII серия. Отд-ние гуманитарных наук, 1930, № 9, с. 727—738; № 10, с. 769—792; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976 (далее: Лурье. Летописи), с. 49—53. А. Н. Насонов обнаружил фрагмент тверского свода за 1314—1344 гг., который, возможно, еще не испытал влияния московского летописания и отражает тверское летописание XIV в. (Насонов А. Н. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. — Археографический ежегодник за 1957 г., М., 1958, с. 30—40; ср.: Лурье. Летописи, с. 50—51). Совпадают в Рог., Сим. и в Тв. сб. также рассказ о завоевании Нижнего Новгорода Василием I

К. Протограф третьей части МАк (первая ее часть, до 1206 г., восходит к общему протографу с Радз. — см. звено Д; вторая, с 1205 по 1237 г., совпадает с СІЛ), с 1237 до 1419 г., отразившийся также в общем протографе НІВЛ и СІЛ (см. ниже, звено М) и дополнительно в НІВЛ (Н), в общем протографе Ерм., Сокр. св. и Уст. (Т) и в Тв. сб. А. А. Шахматов определил К как ростовский владычный (архиепископский) свод начала XV в., но в последней части МАк преобладают известия о ростовских князьях, а не о владыках; обнаруживаются в общем протографе МАк и сходных сводов и известия, проникнутые сочувствием к суздальско-нижегородским князьям в их борьбе с московскими за владимирский престол. Возможно, что К уже был сводом, соединявшим известия общерусского свода конца XIV—начала XV в. (З) с известиями нескольких пемосковских летописных сводов.⁵⁶

Л. Протограф НІ мл. и. и общего протографа НІВЛ и СІЛ (М) — новгородский свод начала XV в. А. А. Шахматов именовал этот свод (по названию, сохранившемуся в начальной части НІВЛ и СІЛ) «Софийским временником» и датировал его 1421 г. Он полагал, что именно составитель «Софийского временника» заменил текст ПВЛ в начале новгородской летописи текстом Начального свода, но возможно, что это сделал уже составитель более раннего новгородского свода — первой половины XII в.⁵⁷

М. Протограф СІЛ, НК, НІВЛ и многочисленных памятников, входящих к этим летописям. А. А. Шахматов определял его как «свод 1448 г.» (исходя из текста, помещенного в начале статьи 1380 г.) или как «Новгородско-Софийский свод 30-х гг. XV в.». Он считал этот свод новгородским, составленным на основе новгородского («Софийский временник», Л) и общерусского источника («Владимирский полихрон Фотия» 1421 г.), однако по своим тенденциям свод М может рассматриваться скорее как общерусский свод, сочувствующий митрополиту и великому князю в их спорах с новгородцами. Возможно, конечно, что протографу СІЛ—НІВЛ предшествовал еще один общерусский свод («Полихрон Фотия»), но текстологических оснований для такого предположения у нас сейчас нет: в основе Ермолиной летописи и Хронографа лежал, вопреки Шахматову, не независимый от «свода 1448 г.» источник («Полихрон»), а, как теперь установлено, своды второй половины и конца XV в. Источниками М, кроме общерусского свода конца XIV—начала XV в. (З) и новгородского свода начала XV в. (Л), были также псковский свод XIV или начала XV в. (П), тверской свод начала XV в. (І) и свод, служивший протографом МАк (К). Свод М был составлен во всяком случае после 1425 г. (последнее совпадающее известие СІЛ и НК) — вероятнее всего, в 40-х гг. XV в.⁵⁸

в 1392 г. и часть рассказа о нашествии Едигея в 1408 г. (ср.: Лурье Я. С. Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. — ТОДРЛ, Л., 1985, т. 39, с. 295—297) — вероятнее предполагать здесь влияние И на свод І, чем обратное влияние.

⁵⁶ Шахматов. Обзорение, с. 159, 186—187, 222—230; Лурье. Летописи, с. 55—56, 97—99, 191—193, 196—197, 202.

⁵⁷ Шахматов. Обзорение, с. 155, 366. А. А. Шахматов предполагал, что составителем «Софийского временника» был Матфей Михайлов, семейные записи которого за 1375—1411 гг. сохранились в НІВЛ; однако записей Михайлова нет не только в НІ мл. и. и СІЛ, но и в летописи НК, протографичной по отношению к НІВЛ; вероятно поэтому, что семейный летописчик Михайлова был использован только редактором, дополнявшим НІВЛ местными новгородскими известиями (ср.: Лурье. Летописи, с. 82—83). О проникновении Начального свода в новгородское летописание см.: Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. — ИЗ, 1948, № 25, с. 240—265.

⁵⁸ Шахматов А. А. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, с. 90—176; 2) Обзорение, с. 144—145, 151—160, 366; Приселков. История, с. 150; Лурье. Летописи, с. 67—87, 101—110. Предполагая, что новгородский свод начала XV в. (Л) был одним из источников М, мы не ставим здесь сложного вопроса о происхождении нескольких общерусских статей (Жития Алек-

Н. Оригинал НК, НІVЛ и ряда других новгородских летописей, связанных с НІVЛ. В наиболее первоначальном виде оригинал этот, по-видимому, отразился в НК, обнаруживающей наибольшую близость к СІЛ. Однако для НК характерно своеобразное расположение текста, разделенного на две подборки: с начала до 1411 г. и снова с 988 по 1428 г. Считать эти подборки двумя самостоятельными памятниками невозможно — текст их фрагментарен и часто обретает смысл только при воссоединении двух частей годовых статей (и в первой и во второй подборке); кроме того, текст ряда статей (в обеих подборках) явно вторичен по отношению к СІЛ. Очевидно, что в общем протографе СІЛ, НК и НІVЛ (М) текст был расположен в обычном хронографическом порядке и не разделен на подборки. Однако возможно, что уже в своде **Н**, явно новгородском, текст был расположен в виде двух подборок и первые половины известий **М** (чаще всего новгородские по содержанию) вынесены в первую подборку и пополнены дополнительным новгородским материалом (отсюда ряд дублировок известий в НК и НІVЛ). Краткая версия **Н** (или НІVЛ) была использована в ряде новгородских памятников, например в Рог. и в западнорусской летописи Авраамки; раннее происхождение рукописи Рог. (середина XV в.) свидетельствует о том, что **Н** (как и **М**) был составлен не позже середины XV в.⁵⁹

О. Протограф белорусско-литовских летописей, восходящий к общерусскому своду, отразившемуся в Тр. и других летописях (**З**), но дополненный (вероятно, по летописным материалам, собранным в западнорусской части митрополии) известиями до 1446 г. Дошедшие до нас списки Бел. добавили к известиям этого протографа материалы из НІVЛ (или **Н**), СІЛ, а также местные (смоленская хроника, «Похвала Витовту» и др.) известия.⁶⁰

П. Оригинал псковских летописей. Совпадение всех трех летописей (Пск. 1-я, Пск. 2-я и Пск. 3-я) доходит до 1481 г., поэтому 1481 год может рассматриваться как вероятный *terminus ante quem* для этого памятника. Предположение А. Н. Насонова, что в основе **П** лежала краткая версия «свода 1448 г.» (**М**) или НІVЛ (**Н**) и, следовательно, протограф псковских летописей возник не ранее 40-х гг. XV в., не подтверждается, так как **М** или **Н** влияли на разные версии Пск. самостоятельно. Напротив, можно предполагать, что именно **П** оказал влияние на протограф СІ, НК и НІVЛ (**М**) и, следовательно, может быть датирован временем до 40-х гг. XV в. Бесспорной основой свода **П** было житие псковского князя XIII в. Довмонта.⁶¹

Р. Протограф московского великокняжеского летописания, лежащий в основе НКр, ВП и последующих московских летописных сводов (см. ниже, символы **Ѕ**, **Ф** и т. д.). Источником его была СІЛ, последовательно

сандра Невского и Михаила Черниговского, Повесть о Куликовской битве), совпадающих в НІ мл. и с СІЛ—НІVЛ (ср.: Лурье. Летописи, с. 91—93). Очень заманчивой представляется догадка Б. М. Клосса о составлении этих памятников в Новгороде во время происходившей там работы над митрополичьим сводом — протографом СІЛ—НІVЛ (**М**) и новгородским сводом (**А**).

⁵⁹ А. А. Шахматов считал источником Рог. и ряда других памятников «краткое извлечение из свода 1448 г.» (Шахматов. Обзорение, с. 231—255, 302—310, 312—321), но сравнение с СІЛ и НІVЛ позволяет видеть в этом источнике выборки из НІVЛ (Лурье. Летописи, с. 87—91). О происхождении НК ср.: Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания. — ТОДРЛ, Л., 1977, т. 32, с. 165—198; Лурье Я. С. Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи. — Там же, с. 199—218.

⁶⁰ Чамярыцкі В. А. Беларуска літаратура. Мінск, 1969, с. 40—134; Лурье Я. С. Общерусский свод — протограф Софийской I и Новгородской IV летописей. — ТОДРЛ, Л., 1974, т. 28, с. 136—137, примеч. 76.

⁶¹ Насонов А. Н. Из истории псковского летописания. — ИЗ, М., 1946, т. 18, с. 261—292; Grabmüller H.-J. Die Pskover Chroniken: Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13—15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975; ср. рецензию на эту книгу: Russia Mediaevalis, 1977, Т. 3, S. 83—92.

переработанная в духе официальной великокняжеской идеологии с некоторыми дополнениями (частью сходными с Тр.). Ранняя версия Р отразилась в неизданных памятниках — Музейном летописце (ГБЛ, ф. 178, № 3271 и БАН, 34.2.31) и «Летописи русской» Лавровского (Львовский филиал БАН УССР, ф. Ossolineum, № 2126), основной текст которых доведен соответственно до 1452 и 1469 гг. Однако датировать первоначальную версию Р 1452 г. мешает то обстоятельство, что в Музейном летописце вслед за основным текстом помещены статьи 1472 и 1480 гг., совпадающие с ВП, — таким образом, в дошедшем до нас виде Музейный летописец не содержит первоначальной версии свода. Общий текст Нкр и ВП доведен до 1471—1472 гг. Кроме того, до нас дошел в Летописце от 72-х язык фрагмент великокняжеского свода за 1417—1477 гг., в значительной степени сходный с текстом Нкр и ВП за соответствующие годы. Таким образом, Р может быть суммарно датирован 50—70-ми гг. XV в.; возможно, что в данном случае следует предполагать существование двух памятников — свода начала 70-х гг. (протографа Нкр — ВП и близких к ним неизданных летописей) и свода 1477 г. (фрагмент которого дошел в Летописце от 72-х язык).⁶²

Г. Протограф Ермолинской летописи, отразившийся главным образом на тексте с XII по начало XV в., и МЭрм. Шахматов, возводивший Ерм. в целом к ростовскому владычному своду (хотя прямых совпадений ее с К нет), предполагал, что в разделе до 1418 г. этот ростовский свод непосредственно восходил к гипотетическому общерусскому митрополическому своду 1423 г. («Владимирскому полихрону»), повлиявшему также на протограф СI—NIV («свод 1448 г.»; см. выше, звено М) и на Московский великокняжеский свод 1479 г. (см. ниже, звено З).⁶³ А. Н. Насонов исследовал текст Ермолинской летописи в сопоставлении с Московским сводом 1479 г. и пришел к убедительному заключению, что на основном протяжении до 1418—1425 гг. Ермолинская и Московский свод восходили к общему протографу — своду, составленному не ранее 60-х гг. XV в., причем Ермолинская систематически сокращала этот общий протограф.⁶⁴ А. Н. Насонов определял Г как «свод Феодосия—Филиппа», составленный между 1464—1472 гг. Составитель, взяв за основу протограф СI—НК—NIV—«свод 1448 г.» (М), значительно пополнил его по общерусскому своду конца XIV—начала XV в., протографу Тр. (З) или по самой Тр., по южнорусскому своду типа Ипат. и владимирскому своду первых десятилетий XIII в. (Г или Ж). Однако характер обработки источников свода (удаление пространных религиозных сентенций) говорит скорее о том, что перед нами светская великокняжеская обработка «свода 1448 г.». Время составления этой компиляции — до конца 70-х гг. XV в., когда она была использована Московским великокняжеским сводом 1479 г. (З).⁶⁵

Т. Протограф Ерм., Сокр. св. и Уст.; отразился, возможно, также и в Ник. и в общем источнике СII—Льв. (Ш). В Ерм. значительная часть этого протографа, начиная от ПВЛ и до 1418 г., была заменена сокращенным текстом общего с МЭрм источника (Г); с Сокр. св. совпадают лишь несколько известных ПВЛ и текст за 1425—1472 гг. Для общего

⁶² Лурье. Летописи, с. 125, 126—135, 137—150; Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв.: (Материалы для описания). — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. М., 1976, вып. 2, ч. 1, с. 129—138.

⁶³ Шахматов. Обозрение, с. 149—150. Ср. выше, примеч. 58.

⁶⁴ Насонов А. Н. 1) Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись. — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сборник статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, с. 218—222; 2) История, с. 260—274.

⁶⁵ Насонов. История, с. 271—274; Лурье. Летописи, с. 150—161; Клосс Б. М., Лурье Я. С. Русские летописи XI—XV вв., с. 105—109.

протографа Ерм., Сокр. св. и других летописей характерны независимая позиция по отношению как к великому, так и к местным князьям, а также некоторые черты религиозного свободомыслия (иронический рассказ о ярославских святых и князьях). А. А. Шахматов, знавший лишь некоторые совпадения Ерм. с одним из списков Сокр. св., предполагал, что памятники эти отражают ростовское владычное (архиепископское) летописание; А. Н. Насонов также связывал Ерм. с ростовским владычным летописанием, оставляя вопрос о ее общем с Сокр. св. протографе (Т) открытым. Обнаруживающиеся в протографе Ерм. и Сокр. св. разнообразные известия, связанные с Кириллово-Белозерским монастырем, позволяют видеть в Т независимый летописный свод, возможно опиравшийся на ростовское летописание начала XV в. (К), Р и Н, но составленный в Кирилловом монастыре и доведенный до 1472 г. Текст Т за XII—начало XV в., замененный в Ерм. текстом Г, возможно, сохранился в Сокр. св. и Уст.⁶⁶

Ѕ. Протограф московского великокняжеского летописания, существование которого было предположено А. А. Шахматовым на основе анализа Арх. (так называемой Ростовской летописи), где он сохранился в соединении с новгородским сводом 1539 г. (Ѡ), и который был затем найден ученым в почти полном составе в списке МЭрм и назван Московским сводом 1479 г. Кроме МЭрм и Арх., Ѕ лежит также в основе Ф, ростовского свода 80-х гг. (Х) и Воскр.; отразился в СИЦ и Иоас. как один из источников. Свод доведен до 9 сентября 1479 (6988) г. и, очевидно, составлен около этого года.⁶⁷

Ф. Следующий за Ѕ этап великокняжеского летописания, дошедший в списке XVI в. (МУв), опубликованном М. Н. Тихомировым под названием «Московского летописного свода конца XV в.». Кроме МУв Ф отразился в Сим. (после окончания текста свода И) в части, охватывающей 1412—1493 гг., в заключительных частях двух видов Сокр. св. (Погодинский и Мазуринский вид), НХр, ВП (после 1472 г.) и в общерусских известиях Новгородского свода 1539 г. (Ѡ). При этом, судя по некоторым различиям в трактовке важных политических вопросов конца XV в., можно предполагать, что Ф отражал не одну, а по крайней мере две следующие друг за другом редакции великокняжеского летописания — редакцию первой половины 90-х гг. (МУв и Погодинский вид Сокр. св.) и конца 90-х гг. (Сим., Мазуринский вид Сокр. св., НХр, ВП и фрагмент великокняжеского летописания в составе Новгородского свода 1539 г.).⁶⁸

Х. Протограф Тип. и летописного свода 1518 г., лежащего в основе СИЦ и Льв. (Ш); был также одним из источников Воскр. Изложение в этом своде доведено до 1484 г. (если судить по окончанию общего текста Тип. Синодальной и Академической редакции) или 1489 г. (судя по Академической редакции). А. А. Шахматов считал этот памятник ростовским владычным (архиепископским) сводом, и связь с архиепископской кафедрой действительно обнаруживается в Тип., но с ростов-

⁶⁶ Шахматов А. А. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб., 1904, с. 12—14, 78—79; Насонов. История, с. 322, 329—334, 341; Лурье. Летописи, с. 170—209; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980, с. 155—157. Опыт реконструкции протографа Ерм., Сокр. св. и Уст. (Т) за 6933 (1425)—6979 (1471) гг. см.: Севернорусский летописный свод 1472 г. — В кн.: Памятники литературы Древней Руси: Вторая половина XV в. М., 1982, с. 410—440; ср. там же, с. 638—654.

⁶⁷ Шахматов А. А. 1) Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, с. 152—159; 2) Разыскания о древнейших русских летописных сводах, с. 286; 3) Обзорение, с. 256—283; Насонов. История, с. 300—302; Лурье. Летописи, с. 161—167. Отмеченные рядом авторов случаи заимствования известий из Ипат. в Воскресенской летописи (ср.: Приселков. История, с. 46), очевидно, объясняются влиянием Г через Ѕ на эту летопись.

⁶⁸ Шахматов. Обзорение, с. 367; Лурье. Летописи, с. 242—254.

ским летописанием, отразившимся в протографе МАк (К) и в протографе Ерм. и Сокр. св. (Г), свод Х никаких совпадений не обнаруживает.⁶⁹

Ц. Протограф (наряду с Сокр. св.) конечной части (после окончания СИ) СИЦ (наряду с Сокр. св.) и последующих памятников официального летописания — московский великокняжеский свод начала XVI в. (в СИЦ доходит до 1508 г.). Этот свод (или его продолжение до 1518 г.) был источником конечной части неофициального свода 1518 г. (Ш).⁷⁰

Ч. Основной источник (до 80-х гг. XV в.) неофициального летописного свода 1518 г. — протографа СИ и Льв. (Ш). Существование этого источника доказывается несколько иным путем, чем существование остальных сводов-протографов, намеченных в настоящей стемме. Ч известен нам только как источник Ш; других отражений его неизвестно. Существование его доказывается тем, что на 1483—1485 гг. (казнь немца Антона, отречение владыки Феофила, участие Аристотеля Флораванти в походе на Тверь) в своде 1518 г. известия этого совершенно своеобразного и резко оппозиционного по отношению к великокняжеской власти источника, начинающиеся первыми годами XV в., обрываются. А. Н. Насонов, впервые обративший внимание на этот памятник, считал его сводом митрополита Геронтия, борьбе которого с Иваном III составитель свода явно сочувствовал. Но в своде читаются критические замечания и по адресу Геронтия — вероятно, потому, что перед нами не официальный свод митрополита, а летопись какого-то монастыря, поддерживавшего митрополита в ряде случаев.⁷¹

Ш. Протограф СИ (Архивского списка, начиная с 1397 г. и до 1518 г.) и Льв., отразившийся также в Ник. и Иоас. В свою очередь свод Ш кроме Ч опирался на официальное московское летописание начала XVI в. (типа Ц) на Ерм., а также на протограф Ерм. и Сокр. св. (Г), и ростовский свод 80-х гг. (Х). Доведен до 1518 г. и представляет собой летопись, связанную с церковными кругами (возможно, с митрополией). Фрагмент того же свода читается в одном из видов (Уваровском) «Летописца от 72-х язык».⁷²

Щ. Протограф официального великокняжеского (возможно, связанного и с митрополией) летописания XVI в., отразившийся в Воскр., ВП второй (доведенной до 1526 г.) и третьей редакции (доведенной до 1538 г.), СИВ (текст которой доходит до осени 1533 г.), НДубр., Иоас. Возможно, что Щ отражает не одну, а несколько редакций официального летописания — 1526 г. и начала 30-х гг. XVI в.⁷³

Ю. Основной протограф Уст. — местная устюжская летопись, доведенная до начала XVI в. (не ранее 1516 г.) и включавшая ряд местных известий (о крестившемся «ясащике» Буге-богатыре и др.); в известии 6985 (1477) г. об окончательном падении Новгородской республики отразилась, как можно предполагать, заключительная запись последней независимой новгородской летописи, не сохранившейся в НИУ. Возможно,

⁶⁹ Шахматов. Обзорение, с. 284—301; Насонов. История, с. 376—394, 402—409; Лурье. Летописи, с. 213—223; Левина С. А. К изучению Воскресенской летописи: По поводу статьи В. Лаптева «Воскресенская летопись». — ТОДРЛ, М.; Л., 1957, т. 13, с. 701.

⁷⁰ Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи. — ЛЗАК, Л., 1927, вып. 1 (34), с. 64—66; Зимин А. А. Русские летописи и хронографы конца XV—XVI вв. М., 1960, с. 10; Лурье. Летописи, с. 190, 254.

⁷¹ Насонов А. Н. 1) Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР, VII серия, 1930, № 9, с. 714—721; 2) История, с. 304—315, 369; Лурье. Летописи, с. 212, 235—239.

⁷² Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обзорение летописных сводов Руси Северо-Восточной». СПб., 1899, с. 21, 41—48; Насонов. История, с. 369—372; Лурье. Летописи, с. 223—235.

⁷³ Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи, с. 66—70; Тихомиров М. Н. О Вологодско-Пермской летописи: Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940, т. 3, с. 234—238, 244; Левина С. А. К изучению Воскресенской летописи, с. 699—701.

что именно к Ю восходит ряд новгородских известий Уст., не отразившихся в общем протографе Уст. и Сокр. сводов — Т.⁷⁴

Л. Протограф НДубр., Арх. и Отрывка летописи, содержащейся в том же Воскресенском Иерусалимском списке, где читается СИВ, — Новгородский свод 1539 г., связанный, по-видимому, с новгородским архиепископом (впоследствии митрополитом) Макарием и боярским родом Квашниных. А. А. Шахматов предположил существование этого свода на основании текста Арх., где он был соединен со сводом 1479 г. (З), а затем обнаружил прямое отражение Л в НДубр.⁷⁵ Любопытно, что свод 1539 г., несмотря на свое новгородское происхождение, содержит явно ранний и восходящий к записи какого-то очевидца рассказ о смерти Василия III в 1533 г. (рассказ, отразившийся не только в НДубр., но и в Арх.), близкий к тексту общерусского свода, содержащемуся в последней части СИВ.⁷⁶

Таковы основные звенья, связывающие между собой генеалогическую схему летописей XII—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси». Генеалогическая схема такого типа и масштаба является, насколько нам известно, первым опытом в летописной текстологии: обычно существовавшие стеммы отражали историю летописания и главное место в них занимали гипотетические памятники, а затем уже их дальнейшие отражения; предлагались также схемы генезиса местного (тверского, псковского) летописания. Значение предлагаемой здесь общей стеммы прежде всего в том, что она дает возможность литературоведу и историку, имеющему дело с конкретной летописью или летописным рассказом, получить сведения о том, с каким сводом или группой сводов данная летопись совпадает (что на первых порах освобождает этого исследователя от срочных самостоятельных поисков в пределах всего необозримого фонда летописных текстов). Существенно при этом учитывать, как распределен материал в изучаемой летописи: к каким летописям близки отдельные ее части (данные об этом читатель частично найдет в тексте, характеризующем отдельные звенья общей генеалогической схемы — с. 195—204). Историк, исследующий летопись в целом, должен как бы «расписать» весь ее текст, определив разделы, сходные с другими сводами, и индивидуальные известия данной летописи, которые могут быть отражением оригинальных сведений летописца-современника, а могут быть и следствием литературно-публицистической работы сводчика-публициста. Очень наглядно это сочетание разных слоев свода заметно в Никоновской летописи. Относительно поздняя летопись, она основана в значительной степени на реально дошедших до нас памятниках — Симеоновской, Новгородской Хронографической, Иоасафовской летописях. К этим бесспорным источникам могут быть добавлены гипотетические: например, тверской летописный свод конца XIV в. (I), севернорусский свод, отразившийся в Ермолинской, Сокр. сводах и др. (Т). Но наряду с этими заимствованиями Ник. явно обнаруживает следы публицистического творчества XVI в. и вымысла, основанного на фольклорном материале.⁷⁷

Если свод не «расписан» полностью, возникает опасность, что исследователь может оценивать летописный рассказ на основании суммарной характеристики летописи, вытекающей из особенностей, присущих совсем не той ее части, которой он в данном случае занимается. Так, оценка

⁷⁴ Сербина К. Н. Устюжский летописный свод. — Исторические записки, М., 1946, т. 20, с. 239—270; Лурье Я. С. Летописи, с. 191—196.

⁷⁵ Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи, с. 50—66, 163—171; Насонов А. И. История, с. 353—358.

⁷⁶ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972, с. 390.

⁷⁷ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980; ср. рецензию на эту книгу: История СССР, 1981, № 1, с. 170—179.

рассказов Ермолицской—Львовской летописей о событиях XIV в. как ранних и достоверных часто объяснялась тем, что исследователи исходили из особенностей Ерм. в ее последней части, охватывающей XV век (в той части Ерм. действительно содержала ряд оригинальных и независимых известий), не зная, что в разделе, содержащем известия XIV в., текст Ерм. не оригинален, восходит к общему протографу со сводом 1479 г. (Г).⁷⁸

Представляя на суд читателей стемму, связывающую все основные дошедшие до нас летописи с начала и до конца ведения непрерывного и систематического русского летописания, автор отдает себе отчет в неизбежных недочетах этой первой попытки. Он постарался включить все необходимые звенья, но в некоторых случаях этих звеньев, вероятно, недостаточно — мы уже не раз отмечали, что отдельным символам соответствовал часто не один свод-протограф, а несколько.

Но улучшая и дополняя эту схему, будущие исследователи должны будут все же исходить из того, что цель ее — объяснить соотношения между реально существующими текстами, а не указывать на своды, которые могли существовать в определенное время в тех или иных политических центрах. Теоретически количество гипотетических сводов-протографов и предполагаемых «точек» на схеме истории летописания можно увеличивать до бесконечности, особенно если предполагать, что каждому важному этапу в истории Древней Руси должен был соответствовать особый летописный свод. Однако такое умножение предположительных суждений, естественно, не усилит, а чрезвычайно ослабит убедительность любой текстологической работы.

Исследователь истории летописания, как и любой ученый, обязан учитывать логический закон, давно уже сформулированный в науке, — закон достаточного основания.

---

⁷⁸ См. выше, примеч. 5. Ср.: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства... с. 436.